

Глава 1

Сны

Мне снятся псы. Снятся их теплые мягкие тела, согревающие меня. Снятся их мускусный запах, который успокаивал меня долгими страшными ночами. Снятся их влажные языки, их острые зубы, их теплые носы, их глаза. Понимание в их взгляде. Псы всегда смотрели на меня.

Иногда мне снится, что мы бежим, я бегу со своими псами, мы бежим по пустым улицам и заросшим паркам. И наш бег исполнен радости и свободы, мы никогда не устаем, никогда не чувствуем голода. А затем псы расправляют свои огромные крылья и поднимаются над землей, они парят в вышине, а я плачу, я зову их, я умоляю их не бросать меня одного, сжалиться надо мной, бескрылым.

Прошло много лет с тех пор, как я жил с псами, но мне по-прежнему снятся сны о них. Мне не видятся долгие ночи, проведенные на улице, когда в России бушевала зима. Мне редко снятся события, из-за которых я потерял свой дом. Мои сны принадлежат псам.

Глава 2

Прежде

Прежде чем *он* появился, я любовался своей прекрасной мамочкой.

Я смотрел, как она стоит возле раковины на кухне и ее белоснежные руки мелькают в брызгах горячей воды, пока она моет посуду и напевает.

Я смотрел, как она вешает белье на нашем крохотном балкончике: мама закрепляла прищепкой один край платья, а вторую тем временем держала в зубах. Я подавал ей по две прищепки.

— Ты так помогаешь мне, Мишка, Медвежонок мой, — говорила она.

Прежде я часто сидел на коленях у бабушки Инны, слушая, как она поет старые песни. Бабушка баюкала меня, раскачиваясь в кресле взад-вперед, взад-вперед.

Каждое утро мы с бабушкой Инной спускались по длинному пологому склону холма и шли в садик. Маме нужно было уходить в пекарню задолго до восхода солнца. В садике я сидел за деревянной партой и учил буквы. Я знал, как сложить из кубиков с буквами слова «кошка» и «мышка». А еще воспитательница говорила мне, чтобы я не заглядывался на птичек за окном.

Вечером мы с мамой поднимались по длинному пологому склону холма и шли домой. Бабушка Инна варила мое любимое блюдо — щи. А я тем временем учил буквы и слушал, как мама поет.

Прежде бабушка спала с мамой в одной комнате, а у меня была своя кроватка в гостиной. Каждый вечер мама читала мне сказки.

Так было всегда. Я, мама и бабушка Инна. И я думал, что так будет всегда.

Глава 3

Потом

Стояло теплое весеннее утро. Мама встретила меня перед садиком. Глаза и нос у нее были красные.

Мама опустила передо мной на корточки и крепко-крепко прижала меня к себе.

— Что случилось? — спросил я.

— Ее больше нет, Мишка, — всхлипнула мама. — Твоей бабушки больше нет.

Я не понимал, почему моя мама плачет. Иногда бабушка Инна садилась на поезд, чтобы отправиться в Большой Город, в гости к своей двоюродной сестре. Однажды я даже ездил вместе с ней.

— Она уехала в Город, — заверил я маму и погладил ее по щеке.

— Нет, Мишка, — сказала мама. — Твоя бабушка отправилась на небеса.

После того как бабушка Инна отправилась на небеса, мама начала забывать.

Она забывала помыть посуду. Забывала, в какой день стоять в очереди за макаронами, а в какой — за хлебом.

Она плакала и плакала. Она забывала снять одежду перед сном. Забывала читать мне на ночь. Я забирался к ней в кровать. Я все еще чувствовал запах бабушки в комнате.

Мама забыла слова бабушки о том, что лить слезы в еду — плохая примета. Слова бабушки о том, что водка и пиво —

это плохо. Мама сидела за столом на кухне, плакала, курила и пила.

Она больше не пела.

Мама забывала о том, что нужно водить меня в детский садик. Иногда она забывала ходить на работу. Иногда я ложился спать голодным. Иногда я ложился спать один, потому что вечером мама уходила к своим друзьям в поселок.

Я смотрел, как она сидит у зеркала, прихорашиваясь перед свиданием. Губы она красила алым, а на веки наносила голубые тени.

— Какие мне сегодня надеть, Медвежонок? — спрашивала она, показывая мне две пары сережек.

Мама напевала, надевая ярко-красное пальто с блестящими черными пуговицами. А потом она опускалась передо мной на корточки и обнимала меня.

— Будь хорошим мальчиком, Мишка. Запри дверь и никому не открывай.

Если бы я знал, что *он* придет, я никогда не открыл бы дверь.

Никогда.

Я помню его лоснящиеся штаны и потертые сапоги в дверном проеме.

Мама подтолкнула меня вперед.

— Мишка, скажи «привет».

— Привет, — сказал я.

Он вручил маме букет цветов и нагнулся ко мне. У него было удивительно узкое лицо.

— Так вот он, хозяин дома, да? Мелкий какой, точно таракан.

От него несло так, что мне захотелось зажать нос.

— Пожмите друг другу руки, — потребовала мама, подтолкнув меня еще раз.

Он сильно сжал мою ладонь.